

≈ 55 мин

Маоизм очень часто обвиняют в волюнтаристской реализации своей революционной стратегии. И для этого существуют все основания. Действительно, победа Китайской революции в 1949 году породила целую волну движений, вдохновлённых примером компартии Китая и стремившихся устроить революцию «по образу и подобию» военно-политической стратегии КПК; история знает немало таких примеров — взять хотя бы Французские (1789-1848) или Кубинскую (1953-59) революции и вызванную ими цепную реакцию в Центральной Европе и Латинской Америке соответственно. Победа Вьетнамской революции в 1975 году над американским империализмом и марионеточным южновьетнамским режимом инспирировала новую волну маоистских восстаний по всей планете. Результаты некритического использования маоистской стратегии оказались далеко не самыми однозначными и впечатляющими. Там, где для этого сложились все необходимые предпосылки (например, в Непале¹), маоисты действительно приходили к власти, где-то (как в Индии и Филиппинах) они увязли в затяжных партизанских конфликтах малой интенсивности без надежды на какой-либо стратегический успех, а где-то (как в Шри-Ланке и Таиланде) потерпели серьёзные военные и политические поражения и сошли с исторической сцены. Конечно, после колоссального шока, испытанного мировым империализмом после позорного поражения от крестьян и партизан Вьетнама, классовый противник сделал необходимые выводы и многому научился. Ведь по произведённому пропагандистскому эффекту падение Пекина в 1949 году, скупо освещённое в печати, не идёт ни в какое сравнение с шоком от падения Сайгона в 1975 года, когда под прицелом фотоаппаратов и телекамер весь мир с содроганием или надеждой следил за успехами вьетнамской народной войны.

Но нельзя списывать все просчёты и неудачи на рост ресурсов, навыков и возможностей противника. Китайские коммунисты в 1921-49 годах, вьетнамские и лаосские партизаны создавали и оттачивали революционную теорию, отталкиваясь от собственной революционной практики. Но многие маоисты после Мао в силу своего догматизма и нежелания изучать конкретный расклад классовых сил и возможности своего врага допускали собственные грубейшие ошибки. Одним из характерных примеров такой «революции», приведшей к колоссальным человеческим жертвам, изоляции и маргинализации вооружённого коммунистического подполья, служит поучительная во всех отношениях история маоистской «Коммунистической партии Перу», более известной как «Сендеро Луминосо» (исп. «Сияющий путь»). Возрождение революционной традиции невозможно без глубокого анализа неудачных революционных стратегий. Что касается городской герильи, то мы в скором времени осветим эту тему в заключительной части материала о «Красных бригадах», а сейчас расскажем о менее известной широкому читателю недавней гражданской войне в Перу, сотрясавшей страну в течение почти двадцати лет.

На её примере хорошо проследить глубокое банкротство, даже вырождение маоистской догматики, неспособной предложить адекватную революционную альтернативу трудящимся «Третьего мира». В народной молве эти кровавые события отразились в характерных пейоративах: так, маоисты стали неприглядно называться «terrucos» («террористы» в перуанском испанском), а южные и центральные Анды, где развернули свою деятельность сендеристы, стали называться «chaqwa» («хаос» в переводе с кечуа). Поразительно, но в успехе маоистов одно время не сомневались даже откровенно антикоммунистически настроенные эксперты. До поимки лидера «Сендеро»

Абимаэля Гусмана Рейносо («председателя Гонсало») в 1992 году аналитики предрекали довольно мрачные перспективы для Перу: сендеристы год за годом последовательно расширяли зоны своего влияния и военного присутствия, проводя дерзкие атаки на военную и гражданскую инфраструктуру. Они сознательно реализовывали план окружения города деревней вплоть до коллапса центральной власти и падения столицы. Но после пленения их лидера, «председателя Гонсало», и последовавшего партийного раскола, движение в конце 1990-х – начале 2000-х годов неуклонно пошло на спад. Сейчас оно представляет из себя лишь жалкие изолированные отряды, крупнейший из которых базируется в регионе VRAEM² и наживается на местной наркоторговле. На этих ископаемых “герильерос” вполне можно полюбоваться на «Ютубе»³. Казалось бы, в следовании маоистской догматике, отличавшейся от «канона» лишь в нюансах, интересных только военным специалистам, проблем у перуанских маоистов никаких не было. Напомним, что «классический» маоистский сценарий, приспособленный для ведения революционной войны в крестьянской стране, заключался, во-первых, в создании партизанской базы («деревня выступает против города»), установлении хрупкого баланса сил с выходом за пределы партизанской базы и создании партизанских районов («деревня окружает город»), и в захвате ключевых административных центров в результате стратегического наступления («деревня захватывает город»).

Реализации революционной стратегии было отведено несколько этапов. Первым этапом был, как водится, подготовительный, «пропагандистский» этап, охвативший без малого десять (!) лет. В это время в изолированных горных регионах Анд рекрутировались и готовились военные и политические кадры — ядро будущего революционного авангарда. В 1980 году руководство сочло

подготовительный этап законченным и перешло к реализации второй стадии по созданию и подготовке материальной и социальной базы будущей «народной войны». В полном соответствии с маоистскими принципами создавались т.н. «освобождённые зоны» в удалённых сельских регионах, где был установлен режим террора и насилия посредством последовательного уничтожения посевов и сельскохозяйственного оборудования, подрывов линий электропередач, закрытия региональных рынков и спорадических расправ с вражескими информаторами и недовольными. Всё для того, чтобы разорвать и уничтожить линии снабжения, связывавшие удалённые регионы с административным центром. Изначальным «ядром» движения стал удалённый горный департамент Аякучо, название которого, по одной из версий, переводится с кечуа как «уголок мёртвых». Этот богом забытый регион считался более «индейским» и «диким», чем остальные; аграрная реформа периода прогрессивного военного правления обошла его стороной; не был он обременён и присутствием центральной власти. Крестьянство, вовлечённое в локальную политику местных зажиточных землевладельцев и волну сопровождавшей её насилия, было расколото и буквально наэлектризовано накопившимся недовольством от коррупции и аграрных конфликтов. Иными словами, отсталый и нищий департамент был настоящей мечтой для маоистских революционеров. Через два года, в 1982 году, окрепшая партия перешла к третьей стадии — сельской партизанской войне с перспективой переноса её в город и перехода к четвёртой стадии «народной войны». Таким образом, в сухом остатке задача сводилась к тому, чтобы расколоть страну на отдельные контролируемые партизанами зоны, естественно ограниченные гористой местностью, отрезать столицу от продовольственных поставок из деревни с севера, спровоцировать политический кризис и падение правительства и на

финальном этапе занять столицу — Лиму.

Но что же пошло не так? Логичнее начать с того, что же представляли из себя сами революционеры. Многих аналитиков и политологов этот вопрос ставил и продолжает ставить в тупик. Вопреки популярным в англо-американской литературе взглядам, движение не было восстанием инкских масс под утопическими лозунгами. Само движение не укладывалось в узкие политизированные идеологемы провластных «террорологов». Отчаявшись разобраться в ситуации, они склонялись к тому, что «Сендеро» представляло собой «загадку», «мистификацию», порождённую чуждой, иррациональной и непонятной им культурой андских индейцев. Постараемся всё-таки разобраться в ситуации. Однозначно можно лишь сказать, что ни руководящие кадры, ни основной партийный актив не были простыми крестьянами. В принципе, в этом нет ничего предосудительного, и нормальный революционер, не обременённый личностными комплексами, не обязан стесняться своего непролетарского происхождения. Копаться в подноготной революционных лидеров, тыкая им в нос “буржуазной” закваской и родительскими деньгами — самое последнее дело. Однако стоит всё же сказать об этом пару слов для некоторого прояснения ситуации. Сельские жители Аякучо были всецело поглощены земельными конфликтами и вовлечены в клиентельные сети местных латифундистов. Тем не менее, крестьяне-индейцы Аякучо, этого настоящего ада, не были чужды и желания лучшей жизни: забросив наивную веру в реставрацию некогда великой Инкской империи и вооружившись прагматизмом, они начали массово мигрировать в другие регионы и стремились получить хоть какое-то образование. Рост количества учащейся молодёжи (с 19 до 76% в период 1960-1980 годов) был впечатляющим и намного опережал средние

показатели по Латинской Америке (с 17 до 57% соответственно). Власти, казалось бы, шли им навстречу, например, заново открыв в Аякучо в 1959 году университет (основанный в 1677 году, но закрывший свои двери в 1885-м). Там образовалась весьма своеобразная интеллектуальная среда: приехали пацифисты из США, образованные перуанские агрономы, французские историки, антропологи... Такая космополитичная публика завозила и новые, в том числе радикальные, идеи. Нетрудно догадаться, что базой будущей организации стала учащаяся молодёжь, университетские преподаватели и сельские учителя. Поначалу это были молодые «местисо», выходцы из средней и мелкой провинциальной буржуазии. Затем в их ряды влились дети зажиточных крестьян и «мистис» (мелких землевладельцев неиндейского происхождения) из провинции. Они были значительно беднее пасынков буржуазии; многие происходили из безземельных и разорившихся семей. Потеряв связь с крестьянской средой, практически не зная кечуа, они не влились и в городскую буржуазию и креольскую интеллектуальную элиту. Иными словами, именно эта фрустрированная прослойка частично деклассированной молодёжи стала прекрасным горючим материалом для радикализации. Политизация студентов и преподавателей Национального университета Сан-Кристоваль де Уаманга в департаменте Аякучо началась в 1960-х годах и продолжалась до конца 1970-х. Ситуация усугублялась ещё и тем, что в последний период военного правления власти стали настороженнее относиться к общественным наукам, видя в них потенциал для радикальной идеологической мобилизации, и сокращали расходы на образование. Это немало способствовало фрустрации учащихся и доцентов. Росла популярность марксизма. Познакомившись с марксизмом, молодые люди впервые получили возможность критически взглянуть на перуанскую действительность и

обнаружить в ней глубокие социальные и экономические противоречия. Но радикализация проходила своеобразно. В это время Академия Наук СССР в развивающихся странах, в том числе и в Перу, массово распространяла переводные методички по истмату, диамату и политэкономии, написанные ещё во времена Сталина. Грустно во всём этом то, что, как сказал один неплохой исследователь интеллектуального бэкграунда «сендеристов», представления о революции и революционной практике они тоже, к сожалению, черпали из методичек, а не из вдумчивого прочтения оригинальных марксистских текстов и анализа социальной реальности. Да и альтернатив было немного: изящный и непонятный язык структуралистских марксистов (в первую очередь, Луи Альтюссера, Жоржа Политцера и Марты Харнеккер) был им чужд и оставался уделом преимущественно городских интеллектуалов.

Примерно в то же время, в 1964 году, перуанская компартия раскололась на просоветскую и маоистскую фракции, которые, оставив за собой оригинальные названия, присоединили к ним названия их печатных органов (просоветского «Единства» и прокитайского «Красного знамени»). Маоисты быстро завоевали умы молодёжи из «Революционного студенческого фронта». Распространялись переводные тексты Мао. «Культурная революция» в Китае, начавшаяся в 1966 году, только подстегнула молодые умы. Они всё больше уставали от общественных наук, желая видеть в них лишь послушный инструмент будущей неизбежной революции. Военное правительство безо всяких на то оснований записывалось в «фашистское», а в «народной войне» видели единственный инструмент общественных преобразований. Некритическое внедрение кубинской революционной модели «фокизма» с последующими поражениями (в т.ч. в Перу в 1965 году) заставил молодёжь искать новые революционные

стратегии, и симпатии склонялись к маоизму. Но догматизм и авторитаризм, питавшийся в том числе университетской дисциплиной и организацией учебных программ, неизбежно брал своё. Самое большее, что было за спиной нового поколения молодых профессоров — это начётнические переводные труды В.Г. Афанасьева и Ф.В. Константинова. Всё, что выходило за рамки этого убогого круга чтения, преподаватели-«сендеристы» определяли как «троцкистский ревизионизм». В это время университетская группа во главе с молодым профессором Абимаэлем Гусманом Рейносо (родился в 1934 году) порвала с марксистским большинством, сформировав собственную организацию. Будущий лидер вооружённой партии был выходцем из обеспеченной семьи коммерсанта, связанной семейными узами с местной землевладельческой элитой. Никогда не знавший нужды, он с ранних лет, после окончания иезуитского колледжа, посвятил себя изучению права и философии, жадно поглощая книги, а в университете заинтересовался марксизмом: в частности, на него оказало сильное влияние «Семь очерков истолкования перуанской действительности» Хосе Карлоса Мариатеги (умер в 1930 году), первого перуанского марксиста, основателя перуанской компартии. Сильное влияние на него оказал преподаватель логики Анхель Родригес Ривас, авторитарный и фанатично приверженный дисциплине профессор. Впрочем, всех подробностей его интеллектуальной биографии, равно как и степени знакомства с марксистской теорией, мы не знаем, хотя и можем сделать кое-какие (неутешительные) выводы. Данное им пространное интервью сендеристской газете «Эль Диарио» оставляет впечатление человека, религиозно убеждённого в непогрешимости маоизма как третьей и высшей стадии развития марксизма, а равно и в его универсальности для трудящихся всего мира. Среди нейтральных и очевидно заученных формул марксистско-ленинской догматики встречаются откровенно

комичные заявления: скажем, «председатель Гонсало» предполагает, что Мариатеги, если бы ему довелось родиться в его время, обязательно был бы маоистом. Следуя такой абсурдной внеисторической логике, Маркс тоже был бы верным ленинцем. Впрочем, вернемся к прошлому нашего героя. Влившись в политические дискуссионные клубы, где обсуждались пути выхода Перу из тупиков зависимого развития, он стремительно завоёвывал симпатии и влияние среди образованной молодёжи. В 1956 году он стал членом Перуанского философского общества. Любитель поэзии и почитатель Достоевского, он увлекался классической музыкой, не чурался вопросов квантовой механики. Вступив в коммунистическую партию, он быстро разочаровался в её бюрократизме и реформизме. В продолжение своей академической карьеры, занимаясь параллельно непосильной организаторской и административной работой, он последовательно защитил две диссертации: одну по буржуазной теории демократического государства, другую — по кантианской теории пространства. В 1962 году он стал профессором философии в Национальном университете Сан-Кристоваль де Уаманга, но вскоре бросил преподавание и целиком посвятил себя подпольной революционной работе. «Обращению» в маоизм способствовал и визит в Китай, где Гусман ближе познакомился с теорией и практикой китайских социалистических преобразований. Новоявленные маоисты в желании «сблизиться» с народом активно изучали кечуа (индейский язык, на котором тогда говорило до 90% населения) и даже женились на провинциалках из бедных сельских районов; в Аякучо маоистские идеи проповедовали и воспитанные в университетской среде сельские учителя. Новоиспечённые маоисты приезжали помогать крестьянам в сельскохозяйственных работах, участвовали в религиозных праздниках и местных фестивалях. Но в идейном воспитании преобладала жёсткая

ортодоксия. Они как будто бы проделывали обратный путь: в то время как остальные марксисты 1970-х отходили от партий и университетских дискуссий и вливались в широкие социальные движения, что было вполне оправдано в тогдашней политической обстановке общественно-политического подъёма для приобретения нужного практического опыта, маоисты во главе с Гусманом занимались исключительно партийным строительством. Университет они превратили в настоящую базу агитации и пропаганды. Молодые маоисты были порождением растущего разочарования в «традиционном» марксизме и его активистах в деревне и профсоюзах. И у этих настроений была своя почва.

Надо сказать, что по стране в предшествующие десятилетия прокатилось несколько волн крестьянских движений. Первая и самая масштабная имела место в 1958-64 годах: в ходе неё тысячи крестьян и сельскохозяйственных работников захватывали земли крупных поместий, поставив под серьёзный удар латифундистское землевладение. Как ни странно, эта волна обошлась сравнительно малой кровью: по некоторым подсчётам, в ходе крестьянских мобилизаций и ответных действий властей погибло лишь 166 человек⁴. В 1965 году вспыхнула вооружённая герилья, инспирированная несколькими леворадикальными организациями, но и она носила сравнительно бескровный характер. Вторая волна пришлась на 1970-е годы и совпала с проведением радикальной аграрной реформы. Общественная среда радикально трансформировалась, росли, как грибы, массовые профессиональные, студенческие, учительские и женские организации. Период правления прогрессивных военных (1968-80) с их социалистической и антиимпериалистической риторикой сопровождался рядом важных реформ, в первую очередь, в аграрной сфере, где в числе прочего стала внедряться

сельскохозяйственная кооперация. Вместе с тем никаких серьёзных качественных изменений правительственные реформы и массовые социальные движения так и не принесли. Сказывалось и разочарование в «советской модели». Молодая организация строилась на культе личности её основателя, которого провозглашали «четвёртым мечом коммунизма» (после Маркса, Ленина и Мао). Насаждалась строжайшая партийная дисциплина.

Формальный раскол с Коммунистической партией состоялся в 1970 г., после чего новая «Коммунистическая партия Перу — Сияющий Путь» развивалась как самостоятельная организация. Перуанский «Янань» родился и долгое время существовал в стенах университета Аякучо, осторожно и избирательно налаживая контакты с деревней. Поразительно, но на протяжении всей своей долгой истории она всегда оставалась исключительно кадровой и немногочисленной партией. К 1980 году, к моменту перехода к активным действиям, группа насчитывала немногим более 500 человек, а на пике своих успехов в 1990 г., став мощной военной машиной, не превышала и 3000 членов. Для сравнения: в 2015 г., во время очевидного спада и деградации движения, группа насчитывала около 350 человек (из которых, правда, лишь 80 были бойцами). Дело, очевидно, не в численности, а в качестве самих кадров и адекватности их стратегии классовым интересам трудящихся, которые они якобы выражали и защищали. Неспособность и нежелание привлечь массовый приток кадров компенсировался жёсткой организационной и политической подготовкой. Порядка 40% основного и руководящего состава составляли женщины. Основной костяк будущих военно-политических кадров был сформирован уже к 1977 году. Одна из первых «военных школ» была открыта на асьенде Ирибамба, которой владела Аугуста Ла Торре Карраско («товарищ

Нора»), супруга Гусмана и в будущем — второй человек в организации. В округе Каруанка в департаменте Аякучо сендеристы ещё в конце 1978 года нашли значительную поддержку среди местных маоистски настроенных сельских учителей. В округе создавались низовые организации, открывались «народные школы» — тайные собрания, где отобранные кандидаты посвящались в планы «Сендеро» и получали военную и политическую подготовку. Последняя сводилась к чтению и цитированию «Красной книжечки» Мао.

Организовывались митинги и сходки, где составлялись «чёрные списки» будущих жертв, регулярно обрывались телефонные линии, связывающую Каруанку с другими общинами и округами... От местных властей регулярно поступали жалобы на действия сендеристских активистов и агитаторов, но власти отмахивались от них: своих проблем хватало. Это значительно облегчало действия маоистов.

Сталинское высказывание «кадры решают всё» было доведёно до своего абсурда. «Всё, кроме власти, есть иллюзия» — гласил ключевой лозунг сендеристов. В полной изоляции и секретности формировались небольшие дисциплинированные ячейки, преданные партийному руководству. Они, конечно же, назывались фракциями и квалифицировались (в соответствии с партийной идеологией) в качестве отдельных общественных движений, сформированных пролетариатом на различных трудовых «фронтах» («Фронт революционных студентов», «Движение народной молодёжи», «Движение бедных крестьян» и др.). Вся эта демагогия была достаточно далека от реальности. В реальности же получалось то, что рабочие оказывались здесь лишь пассивными зрителями действий экзальтированного «революционного авангарда». Массы отходили на второй план по сравнению со всемогущей и всезнающей партией. Сказывалось

это и на характере пропаганды: в то время как параллельные им герильи постоянно давали знать о себе звучными прокламациями, коммюнике и манифестами, сендеристская пропаганда циркулировала, главным образом, в кругу «посвящённых».

УСЛОВИЯ ИЗОЛЯЦИИ ОТ РЕАЛЬНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКИ, НЕ ПРЕОДОЛЁННЫЕ В САМОМ НАЧАЛЕ И УГЛУБЛЯВШИЕСЯ ПО МЕРЕ РОСТА ОРГАНИЗАЦИИ, СКАЗЫВАЛИСЬ И НА ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ О СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ТЕКУЩЕЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ.

Неадекватность анализа *текущей ситуации* ярко выразалась в том, что Перу признавали «полуфеодальной страной», а победитель первых демократических президентских выборов 1980 г. Фернандо Белаунде Терри однозначно определялся как «фашист». В то же время к концу военного правления аграрная реформа привела к размыванию «полуфеодальной» структуры села, но маоисты этого упорно не замечали. На руку пришлись и смерть Мао, и разгром «Банды Четырёх»: открывались все возможности провозгласить себя последним и истинно верным авангардом мировой революции. Аналогом «местной специфики» стали различные формы «индихенизма»: индейская культура и

уклад противопоставлялись колониальным испанским порядкам. До крайностей, конечно, не доходило, и те буржуазные исследователи, которые видят в сендеристах очередную волну «индейского миллениаризма», скорее всего, неправы, хотя некоторые партийные заявления прямо-таки толкают к подобным мыслям. Один из их самых важных документов рассматривал коммунизм как «общество великой гармонии», к которому человечество вот уже 15 миллионов лет неизбежно и неуклонно движется. А знаменательный текст июня 1979 года, написанный Гусманом за 11 месяцев до объявления войны, открывался аллюзией к библейскому тексту («много званых, но мало избранных»). Их тексты всё больше напоминали пророчества для посвящённых, они всё более утопали в квази-религиозных, натуралистских и некрофильских метафорах. Кровь падших, меч революции, светоч коммунизма, тьма и свет, ядовитые сорняки, инфекция, параноидальный страх перед вездесущим «ревизионизмом», предначертания истории и неизбежный рок судьбы, ведущий к Красной Республике... Нет, нельзя сказать, что их представления об обществе прямо противоречили перуанской действительности, к которой они постоянно апеллировали. В противном случае они не имели бы ни малейшего шанса на успех. Но одно дело — постоянно с исступлённой убеждённостью апеллировать к «научному социализму», а совсем другое — применять научный метод в своей революционной практике. Пропасть между превратно усвоенной теорией, практикой и общественной реальностью наглядно демонстрирует их политическая «активность» в среде самих рабочих и крестьян. А в это время, в 1970-80-х гг., продолжались захваты земель и общественные волнения. В 1977-1988 в Перу состоялось девять всеобщих забастовок, включая самые массовые — в июле 1977 и мае 1978 года (более мелких забастовок в одних только 1980-81 гг. состоялось 660). Сендеристы их полностью проигнорировали,

попутно обличая в «ревизионизме» (потому что там участвовали члены «Единства»), и спохватились лишь к моменту начала девятой, последней крупной забастовки, состоявшейся в январе 1988 года. Но и тогда их активность свелась к нескольким незначительным акциям, поджогам и скандированию слоганов и речевок. Зато факт участия в этих событиях активистов «Сендеро» в партийных печатных органах был провозглашён «историческим днём для перуанского пролетариата». Не потому, что стачка была самой крупной в стране, а лишь потому, что там участвовали сендеристы. Вот такая логика. Впоследствии участие сендеристов в реальных классовых конфликтах и вовсе сводилось к минимуму. А ведь здесь, а не в воинских казармах и мэриях, находились их главные противники: в повседневные классовые конфликты были активно вовлечены другие партии, включая левые, крестьянские ассоциации, церковь (включая её демократических и социалистически-ориентированных представителей) и другие действующие институты. Очевидно проступает нежелание вести с ними каждодневную работу, полемизировать, дискутировать, склонять на свою сторону и перенимать у них полезный опыт. Политический догматизм и волюнтаризм этому никак не способствовал. Нежелание работать с массами толкало сендеристов к систематическому и бесперспективному насилию.

В апреле 1980 года в «Первой военной школе» Коммунистической Партии Перу-Сияющий Путь (КПП-СП) Абимаэль Гусман объявил о завершении подготовительных работ и начале вооружённой борьбы. Переход к вооружённой борьбе был ознаменован своеобразной символической акцией. В ночь на 17 мая 1980 года, перед президентскими выборами, группа молодых активистов провинциального города Чусчи ворвалась в здание городского совета и сожгла

ящички для голосования вместе с бюллетенями. Новость об этом инциденте затерялась в прессе: в конце-концов, это были первые президентские выборы за долгие 17 лет. В это время страна была потрясена ростом социальных движений и активности левых партий. В том же 1980 году был создан «Объединённый левый фронт», вторая по численности голосов парламентская партия грядущего десятилетия. Никому не было дело до немногочисленной кучки маоистов, практически никак не связанных с классовыми конфликтами и массовыми социальными движениями страны. В конце года активисты нашли иной способ заявить о себе и своеобразно выразить свою политическую позицию: по утрам в столице начали обнаруживатьдохлых собак, развешенных на фонарях, а трупы несчастных животных сопровождали надписи: «Дэн Сяопин — собака!». Остаётся только догадываться, какой пропагандистский эффект они ожидали увидеть. Вряд ли кто-то предполагал, что это были первые ласточки будущего мощного военно-политического движения, до основания потрясшего перуанское государство. А война только начиналась.

Как известно, для ведения успешной войны нужна социальная база и налаженная военно-техническая и материальная инфраструктура. Сендеристы это прекрасно понимали. Установить свою власть в местечках, где сроду никакой государственной власти не было, достаточно просто. Хватало и нескольких активистов, завербованных через родственные связи или личные знакомства. Они и формировали т.н. «народный комитет». В его руководство, как правило, входило пять человек, во главе которых стоял «политический комиссар». Его заместителями были лица, ответственные за безопасность, в т.ч. транспорт, производство (что выращивать в той или иной общине для нужд партии?), повседневные дела общины (гражданские процедуры: правосудие,

браки, похороны и т.д.), и организацию (население делилось на детей, юношей, женщин, крестьян, интеллигенцию для того, чтобы легче было организовывать учебные и организационные мероприятия). «Народные комитеты» время от времени поддерживались вооружёнными отрядами партии («колоннами»), проводившими карательные операции и рейды. Параллельно существовали тайные коммунистические ячейки: немногочисленные группы, состоявшие из трёх человек, служившие информаторами партии. На определённом этапе развития партия объявляла число «народных комитетов» достаточным, чтобы объявить регион «базой поддержки» (base de apoyo). Как это выглядело можно наглядно увидеть на карте, взятой из одного ультраправого военного журнальчика, которая иллюстрирует ситуацию на примере департамента Аякучо.

Там вся произведённая крестьянами продукция делилась на две половины. Одна оставалась за населением, другая реквизировалась партией для своих нужд. Такими нехитрыми способами была налажена материальная и социальная инфраструктура. К 1989 году было создано 20 таких баз и, сверх того, ещё 80 «народных комитетов». Все они были зонтично объединены «Революционным фронтом защиты деревни». А параллельно существовали чисто партийные ячейки, которые координировались «местными комитетами», подчинёнными «суб-зонам» (sub-zonales); те, в свою очередь, входили в состав более крупных «зон». Последние подчинялись «региональным командованиям». Эти «командования» благодаря географической разобщённости перуанских провинций были достаточно самостоятельны. Наконец, параллельно партийным существовали военные подразделения и соответствующая им иерархия и зона «герильи». Со временем, особенно после 1983-84 гг., военный компонент в

партии стал повсеместно доминировать. Что касается вооружения, то сендеристы всегда полагались на “собственные силы”: стрелковое оружие (пистолеты, винтовки, пулемёты) и гранаты добывались в стычках с гражданской полицией и армейскими частями, а взрывчатка похищалась с рудников и шахт, где у сендеристов были свои инсайдеры и информаторы...

Другой вопрос, достаточно ли перечисленного для ведения *подлинно* революционной войны по преобразованию всего общества? Ведь в условиях, когда государство, сконцентрировавшее в своих руках всю военно-полицейскую мощь на службе у правящих классов, всегда и везде имеет несравнимо больший материальный и мобилизационный потенциал, для партизана массовая база становится вопросом жизни и смерти. Какова была связь сендеристов с крестьянами — своей основной социальной базой? Нельзя сказать, что этой связи не было — отметим ещё раз, что крохотная организация в условиях полной оторванности от масс была бы обречена на немедленный провал и разгром. Во-вторых, вспомним, что подавляющее большинство активных кадров «Сендеро», учащиеся школ, университетов и колледжей, были выходцами из семей крестьян-общинников. Отлаженные семейные и родственные связи, в какой-то степени, облегчали дальнейшее вовлечение сельской молодёжи в ряды если не активных кадров «Сияющего пути», то, по крайней мере, сочувствующих и информаторов. Крестьянская молодёжь, имевшая не так много шансов хоть как-то улучшить своё материальное положение (среди возможностей — контрабанда наркотиков или «отходничество» в города), действительно видела в молодых революционерах какую-никакую альтернативу своему не слишком-то завидному положению. В Аякучо активно распускались слухи, что к 1985 году регион станет полностью «освобожденной территорией»,

а значит, в перспективе, и государством, где можно стать кем-то выше малоземельного крестьянина или батрака. Сендеристы, не принадлежа целиком крестьянской среде, тем не менее, были знакомы с её реалиями и какое-то время успешно играли на противоречиях между и внутри сельских общин и кооперативов. В этом им помогала отлаженная машина террора и символических расправ с классовыми противниками сельской бедноты. Необходимо было предельно жесткими методами расправиться с прежними органами местной власти, «расчистить поле» для новых функционеров. Первые удары обрушились на ненавистных крестьянам всевозможных торговых посредников и коммерсантов: ситуация, в точности повторявшая события подъёма «красных кхмеров» в Камбодже. Местные касики, или гамоналес, влиятельные и зажиточные крестьяне и землевладельцы, также становились жертвами сендеристов. Можно сказать, что здесь маоисты, в целом, верно нащупывали и улавливали линии социальных коллизий, раздиравших деревню, понимали степень её классового расслоения. Но сендеристы шли значительно дальше. Наказания алкоголиков, неверных супругов или провинившихся также воспринимались крестьянами как необходимые меры, восстанавливающие привычный порядок жизни, и могли вызывать сдержанные симпатии, хотя, как показывает практика, с такими проблемами сельские общины вполне управлялись самостоятельно. Для эффективного осуществления «правосудия» активно привлекалась молодёжь, в основном, учащиеся школ. Активисты партии, сами студенты, охотно приглашали на митинги своих знакомых, спустя какое-то время новичкам вменялось в обязанность привести на собрания ещё 1-2 своих товарища. Они собирались в разных местечках, митинги были продолжительными и частыми, порой до двух раз в неделю. Там, в числе прочего, собиралась информация о ворах и скотокрадах в сельских

общинах. Партия, в свою очередь, выносила предупреждения; если они оказывались проигнорированными, то за ними следовали расправы. Механизм работал отлаженно и создавал видимость сотрудничества с крестьянством. Крестьянам на доступном языке пытались внушить, что бюрократы и министры, сидящие в Лиме — общественные паразиты. Крестьянам также внушалась идея, что продавать свои продукты — плохо, потому что это только питает паразитический столичный режим, наживающийся на трудящихся, и в их интересах — заморить столицу голодом. В рамках показательных акций захватывались крупные экспортно-ориентированные фермы, скот демонстративно забивался, мясо готовилось на месте и распределялось среди крестьян и бывших работников. Это производило сильное впечатление на крестьян и батраков. Коллективные работы на общинных землях по заготовкам сельскохозяйственных продуктов (кукуруза, картофель, пшеница) тоже поначалу (до 1982 года) воспринимались с энтузиазмом, особенно сельской беднотой.

Но вернемся к нашему предыдущему вопросу. Имели ли маоисты социальную базу? Да, безусловно. Ведь мы уже говорили об университетских кадрах и учащейся сельской молодёжи. Имели они и определённый процент сочувствующих среди самих крестьян, а также горожан. Это признавали и ведущие перуанские аналитики. Один из них даже рискнул предположить, что, будь «Сендеро» «нормальной» политической партией, они обеспечили бы себе 20-30% поддержки населения. В 1991 году, согласно опросам, 17% столичных жителей оправдывали действия сендеристов, а 7% выражали им открытую поддержку. Но имели ли они *массовую* социальную базу? Пожалуй, что нет. Хотя бы потому, что в их ряды вливалось *меньшинство* молодёжи. Завоевать

симпатии крестьянства также не удалось. Это вытекало из самого принципа «сендеристов», выраженного в слогане «*batir el campo*» — «ударить по деревне». Как они воспринимались крестьянами? Пожалуй, как пришельцы, чуждая и враждебная им сила, и зачастую в буквальном смысле (например, в округе Лурикоча, где население в массе своей не поддержало КПП-СП). Этот образ как будто бы нарочно культивировался партией. Для достижения максимального эффекта сендеристы часто проводили свои акции устрашения по ночам. Кое-где по этой причине их даже прозвали «*tuta puriq*» — «ночные бродяги». Могли они появиться из ниоткуда и во время фиест, к которым, к слову, они относились крайне неодобрительно. Эта стратегия, эффективная только в краткосрочной перспективе, создавала необходимую иллюзию постоянного незримого присутствия некой зловещей параллельной власти. От крестьян ожидали послушания и сотрудничества. Но какие альтернативы, кроме «народной войны», могли предложить сами революционеры? Производственную кооперацию? Там, где это было возможно и где существовали необходимые материально-технические и социальные предпосылки, она уже широко внедрялась во время военного правления. Зато крестьян-общинников сгоняли на массовые принудительные работы. Санкции, используемые сендеристами, сводились к коллективным наказаниям, показательным казням и расправам, побоям и другим унижительным процедурам (вроде отрезания ушей или обривания головы провинившимся). Поэтому, в сухом остатке, их воспринимали как новых «сеньоров», которых терпели отчасти из-за страха, отчасти из-за того, что прежние «патроны» были несправедливыми и коррумпированными. Сопrotивление начиналось тогда, когда действия и требования сендеристов уже *прямо* противоречили повседневной крестьянской практике. Ведь ни идеология, ни методы, применяемые маоистами, даже минимально не

соотносились с ожиданиями или представлениями крестьян. В глазах сендеристов крестьянство виделось отсталым, автаркичным, и рисовалось в упрощённом, внеисторическом измерении: среди них в лучшем случае видели бедняков, середняков и богачей, в худшем — «хороших» и «плохих»... Они совершенно не желали разбираться в хитросплетениях родовой структуры и кастовых различиях (т.н. система «вара»), существовавших в индейских поселениях. Они игнорировали сложность, противоречивость и конфликтность общественных отношений внутри деревни, историчность и функциональность кастовых и возрастных статусов. Это отнюдь не означает, что с этой гадостью (как и со всеми остальными проявлениями общественного неравенства) не нужно бороться, это означает, что перед тем, как предпринимать какие-то действия, полезно иной раз разобраться в ситуации. У презрительного и высокомерного третирования культуры андских индейцев у сендеристов были свои теоретические основания. Ведь «маоизм учит нас, что культура есть идеологическое отражение политики и экономики общества». Но наличия этого по своей сути верного лозунга отнюдь недостаточно, чтобы разобраться в диалектической связи этих форм общественного бытия. Молодые сендеристы, кстати, выходцы по большей части из семей середняков, получив доступ к власти в локальных комиссариатах, оказывались в лице крестьянского большинства попросту изгоями, потому что такая власть в корне противоречила привычному им миропорядку. Хуже того, у молодёжи, помимо скудной теоретической подготовки, отсутствовал какой-либо управленческий и организаторский опыт.

И немного о насилии. Вопреки представлениям либералов о некотором «эндемическом» насилии или особой «культуре насилия», пронизывающем

латиноамериканское общество, крестьяне всё же более склонны решать проблемы мирно. А убийство латифундиста (которые к моменту начала «народной войны» практически исчезли в Аякучо) и убийство мелкого, хотя и зажиточного эксплуататора, глубоко укоренившегося в селе — далеко не одно и то же. Последние не были инородным телом общины, они были вписаны в её социальную структуру. Каждое убийство подтачивало хрупкий баланс конформизма и недовольства, накопившегося в сельских общинах. Более того, в самом низу партийной структуры крестьянские активисты, составлявшие костяк «народных комитетов», незамедлительно стали использовать «ресурс власти» для решения своих материальных, в том числе земельных, проблем за счёт соседей, занимая спорные участки и отбирая скот. Таким образом, вместо решения насущных проблем деревни сендеристы создавали новые неприятности. Партия углублялась в земельные конфликты, уходящие корнями ещё в инкское время, что только усугубляло недовольство крестьян. Наконец, возмущение стали вызывать и принудительные работы на общинных полях, урожай с которых поступал исключительно партии. С какой, спрашивается, стати? В чём здесь прямой классовый интерес крестьян?

Самая большая проблема была связана с *неадекватностью* применяемой сендеристами хозяйственной стратегии. Напомним, что их целью было отрезать город от деревни и её продовольственных ресурсов — хлеба, молока, мяса, а также от поставок металла, предназначенных для экспорта. С этой целью взрывались мосты и железные дороги, горели автобусы и частные автомобили, гибли иностранцы, с бизнесменов и коммерсантов взимался военный налог, повышавший коммерческие и производственные издержки. Ширились акции саботажа на фабриках и горнорудном промысле. Забивался скот крупных

товарных хозяйств. Уничтожались исследовательские станции и сельскохозяйственные кооперативы. Однако в слепом следовании маоистским «рецептам» они упорно не замечали широкой вовлеченности крестьянских общин в региональные рыночные связи и, как следствие — *зависимость* деревни от города и поступаемых оттуда товаров. Кроме того, вопреки ожиданиям, города, а особенно столица, снабжалась не только и даже не столько из деревни. Ядром снабжения Лимы была долина Мантаро (департамент Хунино). Она производила треть поставляемых в столицу овощей и тропических фруктов, половину кукурузы и значительную часть картофеля, а также немало мясной и молочной продукции. Стратегической целью сендеристов, само собой, являлось взятие Хунино. Итогом этого «успеха» стала массовая миграция жителей и резкий спад сельскохозяйственного производства (18% в кукурузе, 30% в картофеле). Нетрудно заметить, какие сложности породило изначально неадекватное восприятие реалий перуанской деревни. Перу уже не было такой отсталой аграрной «полуфеодальной» страной, какой её желали видеть маоистские догматики, вдохновлённые текстами Марселя Лефевра. Классовая борьба крестьянских организаций вкупе с прогрессивными реформами пошедшего им навстречу лево-националистического правительства привели к существенному изменению облика деревни. Вся амбициозная программа сендеристов по «восстаниям урожая» и захватам земель, запланированная на 1980-81 гг., попросту *опоздала*. Всё, на что были способны сендеристы — это разгром нескольких чудом уцелевших асьенд и экспериментальной университетской фермы, а также захват уже существовавших сельских кооперативов.

Вооружённая политика сендеристов привела к определённым политическим результатам. Представители центральной власти на местах были запуганы или

убиты. Долго не замечавшее активность сендеристов правительство ввело президентским декретом 1984 года военное положение. «Грязная война», развёрнутая военными против крестьян, спровоцировала политический кризис. Партии, находившиеся у власти, оказались глубоко расколота внутренними противоречиями. Грызлись чиновники и военные. Укреплялись позиции левых. Часто сменялись министерские кабинеты. Разворачивался экономический кризис. В 1984 году возникла новая леворадикальная группировка — «Революционное движение имени Тупака Амару», последователи Мариатеги и Че Гевары.

Сендеристы активно саботировали и срывали предвыборные кампании и сами выборы, убивая кандидатов и запугивая электорат. Проникнув в судебную систему, они способствовали освобождению своих пленных товарищей. Но несмотря на то, что государство находилось у грани распада, к концу 1980-х и началу 1990-х годов конфликты и противоречия между сендеристами и крестьянами на местах достигли критической массы. Среди крестьян появлялись первые армейские информаторы (*soplones* на местном испанском). Надо сказать, что традиционная маоистская тактика заключается в отступлении перед приближением крупных воинских формирований противника. На первых порах это играло на руку маоистам: уходя из деревни, они оставляли население фактически на расправу армейским извергам, тем самым, волей-неволей, способствуя сохранению своей хрупкой популярности, особенно среди родных и близких жертв. Вместе с тем отсутствие партизан в критических обстоятельствах (армия, имея сравнительно больший военно-технический и людской потенциал, всю использовала его для массовых казней и акцией устрашения) воспринималось как предательство. Декларируя защиту

крестьянских интересов, сендеристы, хотя и воспринимались как «меньшее зло», фактически *предавали* их. Будучи внешней силой, крестьяне не воспринимали маоистскую идеологию, пытаясь усидеть на двух стульях, угождая как партизанам, так и военным. Это толкало маоистов к ужесточению насилия. Наконец, в Лунакамарке (пров. Виктор Фархадо), где в ответ на запрет торговли было убито несколько сендеристов, в апреле 1983 года маоисты вырезали более 80 крестьян. Интересно послушать, как на это отреагировал Гусман. Назвав произошедшее «необходимостью» и «эксцессом», он подчеркнул, что в цели чистки входило желание продемонстрировать заблудшим крестьянам, «что мы способны на всё». Без комментариев. Спустя несколько лет Гусман скажет, что триумф революции обойдётся уже в миллионы жертв. Логика событий обеспечивала углубление трагического разрыва теории и практики.

Закрепившись в Аякучо, сендеристы в начале 1987 года начали действовать и в городах. Присутствие сендеристов отмечалось в Боливии, Эквадоре и Бразилии. Группы и комитеты поддержки «Сияющего Пути» появились в Доминиканской республике, Мексике и даже США. В 1988 году партийный конгресс объявил о достижении «стратегического баланса», соответствующего кануну «второй стадии» народной войны по Мао Цзэдуну. «Пятый военный план», разработанный Гусманом и запущенный в августе 1989 года, предусматривал дальнейшее развитие «баз поддержки». Сендеристская газета «Эль Диарио» с предвкушением ожидала вторжения американских империалистов, чтобы превратить страну в «новый Вьетнам». В том же году решено было приступить ко «второму этапу». Для этого нужно было набрать больше бойцов, припасов и тяжёлого вооружения. Последнее решили приобрести после прорыва в долину

реки Уальяга, где можно было достать всё необходимое через наркоторговцев. Закрепившись в долине, сендеристы стали получать огромные прибыли от контроля наркоторговли, собирая налог с посредников и дельцов, понижая цены и поощряя тех крестьян, которые желали заменить коку «мирными» культурами. Таким образом, здесь их политика отчасти находила поддержку у крестьян, уставших от насилия банд наркоторговцев и связанных с ней скачков цен на наркотик. В феврале 1990 года повстанцы заявили о 24 «базах поддержки» в пяти «региональных комитетах». К 1991 году сендеристы действовали уже на 40% территории страны. Их снабжали порядка 22 000 человек. Но общенародной поддержки, так необходимой на «втором этапе» маоистского сценария, всё-таки не ощущалось. Принудительные меры по мобилизации крестьян сочетались с растущим насилием. Сендеристы начали практиковать «проверки на дорогах», в ходе которых собирали дань и осуществляли своеобразный «кровавый счёт» (казни неблагонадёжных водителей и пассажиров). Народное недовольство в 1989-90 гг. усугубилось экономическим кризисом и продолжительной засухой. В 1990 году появились первые *rondas* — «крестьянские комитеты самообороны», созданные для борьбы с маоистами и поддержанные правительством. Сендеристы, несмотря на стратегические успехи (прорыв в «кокаиноносный» амазонский бассейн и проникновение в города) стали впервые терпеть локальные поражения. Изменилась и структура вооружённых сил. Морская пехота, укомплектованная звероподобными столичными расистами, сменилась подразделениями, набранными из жителей «сьерры», говорящих на кечуа. Наладились первые контакты военных с крестьянскими общинами. Крестьян начали вооружать (поначалу только короткоствольным оружием). Сендеристы не смогли найти ничего лучше, как усилить давление на население. В 1987-1992 годах

свершилось порядка 16 массовых убийств. «Народная война» окончательно выродилась в ожесточённое противостояние двух военно-политических машин, одинаково чуждых и враждебных местному населению. Сендеристы, увлечённые иллюзией «стратегического баланса», вновь неадекватно оценили, вернее, полностью проигнорировали рост крестьянских отрядов самообороны, отмахиваясь от них как от малозначительных происков империалистов. Спыхватились они лишь к 1992 году. Но к тому времени всякие связи с социальной базой были утрачены. Крестьяне, пользуясь сетью родственных уз и полезных знакомств, бежали в крупные города, образуя вокруг них «пояса нищеты», «базы поддержки» стремительно пустели, всё чаще встречались «города-призраки». Нежелание должным образом реагировать на политическую конъюнктуру, государственную политику и динамику классовых конфликтов парадоксальным образом завёл «Сендеро» в тупик задолго до 1992 года.

Тем временем давление властей усиливалось. Вскрывались конспиративные квартиры, в январе 1991 году был обнаружен главный компьютерный архив сендеристов. Абимаэль Гусман был арестован в Лиме 12 сентября 1992 года. Полиция вышла на его след в зажиточном квартале Сурко, обнаружив в мусоре дома, где он скрывался, средства от псориаза (кожной болезни, которой страдал Гусман) и пустые пачки его любимых сигарет. В следующем году он был приговорён к пожизненному заключению. В тюрьме «председатель Гонсало» призвал сендеристов сложить оружие. Начался развал. Часть партизан сочла нужным сдаться. Была ли организация такой монолитной, как она представляется в собственной пропаганде и буржуазной прессе? Если да, то причины быстрого развала «Сендеро» после 1992 г. вызывают целый ряд дополнительных вопросов. Так что, скорее всего, нет, и на это есть немало

причин. Конечно, нет оснований сомневаться в том, что руководящая верхушка верила в пропагандируемые и насаждаемые ею идеи. Даже в заключении многие лидеры не раскаялись и сохранили верность своим маоистским принципам. С другой стороны, «промежуточная часть» КПП-СП, кадры, укомплектованные учащейся молодёжью, хотя и воспитанные в марксистско-ленинской «ортодоксии», могли преследовать и иные мотивы, среди которых ключевые — надежда на доступ к власти, влиянию, авторитету, которых им так не доставало в чуждой им и даже враждебной городской среде. Сельская молодёжь, вливавшаяся в ряды сендеристской милиции и «народных комитетов», надеялась улучшить своё материальное положение, вырваться из пут нищеты и «идиотизма сельской жизни». Негибкая и оторванная от реальной жизни идеология всегда и везде порождает такие искажения. После поимки «председателя» партия не располагала больше лидером сопоставимого масштаба, решимости и самоотдачи, который мог бы эффективно координировать действия изолированных и удалённых ячеек в общенациональном масштабе. Впрочем, война со свойственной ей инерцией продолжалась ещё несколько лет и продолжается, в какой-то мере, и сейчас, активизируясь в периоды экономических кризисов.

Результаты действий кучки революционеров пугающи. Волонтаристский эксперимент стоил 69 тысяч жизней — как правило, простых неграмотных крестьян-индейцев, которые, по первоначальным замыслам партии, должны были стать базой «народной войны». Многих убили полицейские или армия, но 54% убитых остались на совести «Сендеро». Как стал возможен первоначальный успех? Не столько силой движения, сколько слабостью государства. Иными словами, не укоренившись в сельской среде и не став

выразителем интересов крестьянства, догматически настроенные коммунистические активисты попросту паразитировали на сложившейся ситуации в деревне и настроениях крестьян. Надо сказать, что в Аякучо «левый сегмент» села настороженно и брезгливо относился к маоистам. Но Аякучо, в отличие от других областей страны, до 1980 года не знал мощных крестьянских движений и организаций. Опыта противостояния фанатичным догматикам местные прогрессивные левые силы попросту не имели. Единственной формой массового движения, который был известен этому региону в предшествующие войне годы, были выступления учащейся молодёжи, требовавшей свободного доступа к образованию. Этим сендеристы и воспользовались. Именно поэтому регион стал первым опорным пунктом «народной войны». Он же понёс и самые большие потери. Молчаливая поддержка или пассивное сотрудничество крестьян достигалось по инерции ещё и тем обстоятельством, что сендеристы хотя бы считали нужным разбираться, кого из крестьян казнить или наказывать и за что, в то время как правительственная армия и полиция устраивала (особенно в 1983-84 гг.) неизбирательные чистки и террор, граничащий с этноцидом. Но после того, как политика властей изменилась и крестьяне начали получать от правительства оружие и формировать собственные отряды самообороны, дни маоистов были сочтены.

Какие мы можем сделать из этого выводы? Во-первых, для успешных действий партизан необходимо завоевание народной поддержки, которая не может обеспечиваться одним лишь голым насилием. Последнее становится главным инструментом политики тогда, когда разрыв с массовой базой уже наметился и структурно оформился. В соответствии с этим революционная практика должна соответствовать классовым интересам своей социальной базы, из которой

революционное движение черпает свои людские и материальные ресурсы. Во-вторых, революцию нельзя приблизить или вызвать к жизни заклинанием, подрывом ЛЭП или броским политическим лозунгом. Вульгарно-«геваристские» идеи о том, что действия группы революционеров сами по себе могут спровоцировать революционную ситуацию, следует отбросить. Для успешной реализации стратегии недостаточно сознательных действий группы хорошо подготовленных революционеров. Если противостоящий ему политический режим достаточно консолидирован и стабилен, то направленные удары революционеров приведут лишь к бессмысленным человеческим жертвам и дискредитации революционного марксизма. Нужны адекватные действия революционной организации в *революционной ситуации*, что предполагает внимательный и критический анализ расклада классовых сил в стране и соответствующий выбор адекватных революционных методов. При реализации революционной стратегии в Перу были выбраны модели, *сознательно* ориентированные на образцы Мао. Им нельзя отказать в практичности, поэтому революционеры, выходцы из отсталых аграрных стран и регионов находили их простыми и привлекательными. Их конечной целью было завоевание политической власти путём создания и расширения материальной базы (партизанской инфраструктуры) и параллельных локальных и региональных органов власти.

Но сознательное усилие по революционному преобразованию общества, помноженное на некритическую апробацию стратегии, родившейся в других обстоятельствах и пригодной для других общественных условий, привело к прямо противоположным результатам. Сподвижник Че Гевары Режи Дебре где-то приводит слова Фиделя Кастро, в которых он признается, что, к счастью для

себя, ознакомился с революционной стратегией Мао уже после победы Кубинской революции. И в этих словах есть определённая доля горькой истины. Умелые действия немногочисленного отряда кубинских революционеров вклинились в неустойчивый баланс классовых сил страны, гибко и адекватно реагировали на меняющуюся военно-политическую обстановку в стране и чутко отслеживали настроение и поведение других классов (городских буржуа и немногочисленного крестьянства), с которым удавалось наладить сотрудничество для борьбы с режимом Батисты.

ПРИМЕР «СЕНДЕРО ЛУМИНОСО» ЯВЛЯЕТ СОБОЙ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ — ГЛУБОКОЕ ПЕРЕРОЖДЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ В ЗАКОНСПИРИРОВАННУЮ ВООРУЖЁННУЮ СЕКТУ, ОТОРВАВШУЮСЯ ОТ МАСС И СУЩЕСТВУЮЩУЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ЗА СЧЁТ СОБСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ.

Неспособность нащупать пружины классовой борьбы и стать авангардом революционной политики приводит к тому, что такие организации неизменно проигрывают военно-полицейскому аппарату государства, располагающему неизмеримо большими ресурсами для подавления своих противников. Силам социального освобождения этот опыт важно и нужно изучать, чтобы делать необходимые выводы и избегать ошибок в будущем. Не менее опасно и излишне

идеализировать латиноамериканскую герилью, в чем замечены даже такие качественные ресурсы, как «Сен-Жюст». Какие положительные примеры можно противопоставить высказанной критике? Что касается маоистов, то положительным примером грамотно применённой стратегии являлся недавний успех маоистской компартии в Непале. Ситуации в обеих странах (Непале и Перу) оказались поразительно схожими. К моменту начала «народной войны» в 1996 году половину национального дохода Непала контролировала 10% населения, в то время как более 90% непальцев находились за чертой абсолютной бедности, а более 60% жителей оставались неграмотными; 81% был занят в довольно-таки примитивном сельском хозяйстве. Все попытки правительств вывести страну из нищеты путём громких «пятилетних планов» обернулись полным провалом. Так же, как и в Перу, в Непале «народная война» вспыхнула не стихийно, а была спланированной акцией маоистской организации. Успех народной войны, таким образом, всецело зависел от выбора грамотной революционной стратегии, творчески адаптированной к конкретным условиям конкретной страны. Об этом мы расскажем впоследствии, а в следующие наши материалы будут посвящены малоизвестной российской левой публике гражданской войне в Сальвадоре.

ЛИТЕРАТУРА

Heilman J. Before the Shinig Path. Politics in Rural Ayacucho, 1985-1980. Stanford, 2010.

Degregori C.I. Que difícil es ser Dios: Ideología y violencia política en Sendero Luminoso. Lima, 1990.

Gustavo Gorriti E. Sendero Luminoso. Historia de la guerra millenaria en el Peru. Lima, 1990.

Palmer D.S. 'Revolution from Above', Military Government and Popular Participation in Peru, 1968-1972. Ithaca, 1973.

Marks A. Maoist insurgency since Vietnam. London, 1996.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Несмотря на отмену монархии и провозглашение Непала “федеративной демократической республикой”, социалистическое строительство в стране откладывается, а коммунистические (маоистские) партии, находящиеся у власти, погрязли в парламентских конфликтах и откатились к этно-националистической и популистской риторике ↩
2. VRAEM – аббревиатура, означающая небольшой регион Перу, речную долину, образованную реками Апуримак, Ене и Мантаро (исп. Valle de los ríos Apurímac, Ene y Mantaro). ↩

3. **People & Power — The New Shining Path;**

<https://www.youtube.com/watch?v=JKePeHzP0eM> ↩

4. El campesinado en la historia: Cronología de los movimientos campesinos, 1956-1964. Lima, 1981 (цит. по С. I. Degregory, 1990) ↩